

В. В. Бибикова

Профессиональные и классовые проверки учителей в первой половине 1920-х годов в Приенисейской Сибири

В статье рассматривается работа экспертных комиссий Союза Рабпрос, уездных отделов народного образования и ВКП(б) по изучению уровня квалификации и политической благонадежности учителей в первой половине 20-х годов, критерии, формы и методы их работы.

Ключевые слова: профессиональная компетентность, проверка, экспертная комиссия, тарифная политика.

V. V. Bibikova

Professional and Class Teacher Checks in the First Half of 1920s in the Yenisei Siberia

In this article the work of expert commissions of the Education Workers Union is observed and the author analyses the work of the regional departments of public education, the All-Russian Bolshevik Communist Party and their studying the teachers' level of qualification and political trustworthiness in the first half of 1920s, the criteria, forms and methods of their work.

Keywords: a professional competence, the Checking Committee, an expert commission, tariff policy.

В дореволюционный период основными требованиями, которые предъявлялись учителю со стороны государства, были политическая благонадежность и профессиональная компетентность. В период реформирования школы в 20-е годы XX века учитель был основным субъектом преобразований, содержание которых носило как идеологический, так и технологический характер. Учитель должен был модернизировать учебно-воспитательный процесс в школе, активно распространять и пропагандировать идеологические, политические и партийные установки и программы среди населения. Как пишет современный исследователь И.Д. Лельчицкий, он должен был быть наделен «рядом имманентно присутствующих ему политических, социальных и культурных функций» [3].

Политически учительство в Енисейской губернии было неоднородным. Пройдя путь от увлеченности кадетскими идеями весной 1917 года, положениями эсеровской программы – летом того же года, после Октябрьских событий оно уже не представляло из себя сплоченной корпорации, что подтвердило восприятие им событий Октября. Несмотря на давление ВУС, в Енисейской губернии не было организовано массового саботажа в работе школ. Забастовки не были проведены в Красноярске и Красноярском уезде; в уездных городах они прошли локально, не поддержанные населением. Более сплоченное противостояние органам Советской власти было организовано весной 1918 года. В ходе формирова-

ния органов по управлению образованием в уездах местными Советами было предложено направить в них учителей от ВУС. Это означало признание Советской власти учительскими профсоюзными организациями де-юре. Руководители уездных правлений ВУС затягивали выдвижение под разными предлогами. Эта волна бойкота органов Советской власти, по признанию самих членов уездных правлений ВУС, не была поддержана «широкими слоями народа», и они были вынуждены, «считая своей святой обязанностью защиту школы и учащихся всеми способами и при всяких условиях», направить учителей в советы по народному образованию [МУАГА КК, Ф. 414, О. 1, Д. 2, Л. 8–9]. В апреле – мае 1918 года отношения с властью обострились во время подготовки к выборам учителей. Учителя в анкетах должны были выразить свое отношение к Советской власти. В ходе этих мероприятий учителя высказывали протесты против выполнения этого требования, что также не добавило доверия местных Советов к учительству. После чехословацкого переворота на губернском учительском съезде в августе 1918 года учителя публично приветствовали чехов-«освободителей» [МУМГА КК, Ф. 105, О. 1, Д. 13, Л.15–16]. Все эти акции не создали условий для формирования доверительных отношений у органов Советской власти к учительству в последующий период.

После восстановления Советской власти в январе 1920 года ее открытого неприятия со сторо-

ны учителей не было. Строительство новой школы происходило в условиях изменений в государственной политике. Политика военного коммунизма характеризовалась введением трудовой повинности, и мобилизационные мероприятия не оставляли выбора для учителей, не желающих сотрудничать с новой властью. НЭП на первом этапе (1921-23 годы), наоборот, привела к сокращению рабочих мест, материальным трудностям, лишениям, и учителя в этих условиях искали работу, чтобы прожить и прокормить свои семьи. Один из видных педагогов 20-х годов А. Калашников тонко подметил особенность переживаемого периода: «Противоречие между социальным воззрением педагога и его официальным положением, как проводника идей господствующего класса в области воспитания, является одним из тех противоречий, которые осложняют классовую сущность воспитания» [2].

Характеру нововведений в школах в этот период был присущ динамизм, и требования к участию учителя в общественной жизни политизировались. Однако сами учителя не всегда были внутренне готовы к радикальным изменениям традиционных представлений о своих обязанностях и предназначении. Новые требования к учителям излагались в основном в выступлениях партийных, советских, профсоюзных руководителей на учительских съездах, совещаниях, митингах, курсах переподготовки кадров. Кроме того, в первой половине 20-х годов были проведены аттестационные мероприятия в форме организации работы экспертных комиссий и проверочных.

Экспертные и проверочные процедуры среди учительства в первой половине 20-х годов можно разделить на две категории. Первая – определение уровня квалификации учителей для назначения соответствующего денежного и натурального вознаграждения, то есть размера заработной платы. Вторая категория проверок была призвана выяснить политические взгляды работающих учителей, степень их лояльности к Советской власти и готовности к работе в условиях реализации «Положения о единой трудовой школе».

Первые аттестационные процедуры были проведены губОНО и УОНО в январе – феврале 1920 года, и их целью было определение подходов к оформлению порядка и размера исчисления заработной платы учителей. Они сопровождались быстрым формированием учительского профсоюза – Союза Рабпрос. Одновременно шла работа по формированию тарифных комиссий,

которые начали работу до официального оформления губернского отделения Союза Рабпрос, так как именно он должен был ввести «в действие» в Енисейской губернии общероссийские тарифы для учителей. В Центральной России действовало постановление от 22 июня 1918 года «О нормах оплаты учительского труда», а с 1919 года была введена 35-разрядная тарифная сетка. Общероссийские тарифы 1919 года были «приспособлены» к работникам просвещения губернии [4, с. 133]. В Енисейской губернии тарификация была проведена уже в январе 1920 года. Руководители учебных заведений 11 ступени тарифицировались по 26-27 разрядам, преподаватели – по 20-22 разрядам; заведующие начальными училищами – по 22 разряду, учителя – по 20 разряду. Самые высокие разряды были установлены для работников учительского института: заведующий был протарифицирован по 30 разряду, а все преподаватели – по 27 [ККУ ГАКК, Ф. 163, О. 1, Д. 92, Л. 9, 27–29, 48, 63]. Анализ документов позволяет сделать вывод, что при тарификации учитывались статус учебного заведения, должность, уровень образования преподавателя и лишь отчасти – стаж работы. В резолюции X съезда РКП (б) «О профсоюзах» говорилось, что хотя «в силу ряда причин должна быть временно сохранена разность оплаты труда в зависимости от квалификации, тарифная политика, тем не менее, должна строиться на возможно большей уравнительности между ставками» [5, с. 1]. Этот эгалитарный подход применялся в ходе тарификационной работы в начале 1920 года, хотя органами местной власти отмечалось, что «оплата труда находится в полной зависимости от результатов труда» [ККУ ГАКК, Ф. 163, О. 1, Д. 92, Л. 44].

В первой половине 1922 года профсоюз работников просвещения Енисейской губернии на основании постановления ЦК Проса принял решение о проведении экспертизы учительских кадров. Нужно учитывать особенности первого этапа нэповских преобразований, характеризующихся массовым закрытием школ, сокращением числа учителей. По всей вероятности, причину организации крупномасштабной проверки кадров нужно искать именно в тех изменениях, которые происходили в обществе и государстве. В условиях развертывания мелкобуржуазных настроений власть путем экспертизы, по всей вероятности, надеялась выяснить степень политической надежности учительских кадров. И профсоюзные организации, которые в это время

организовывали работу по заключению коллективных договоров, защищали интересы учителей, были среди них самыми авторитетными органами. В уездах были созданы экспертные комиссии из представителей отделов народного образования, профсоюзных и партийных работников. В задачи экспертных комиссий входили: всестороннее выяснение степени пригодности и ценности наличного состава работников для педагогической работы в детских учреждениях; распределение кандидатов, поступающих на педагогическую работу [ККУ ГАКК, Ф. 163, О. 1, Д. 291, Л. 54].

Каждый учитель заполнял специальную анкету. Для определения степени готовности учителей к работе в школе экспертные комиссии имели право пользоваться «имеющимися в ОНО сведениями об образовательном цензе, педагогическом и общественном стаже работника», «отзывами инструкторов и инспекторов», «заклЮчениями школьного совета или коллектива детского учреждения», а также «непосредственным ознакомлением с общественно-педагогической подготовкой данного лица в процессе его работы в детском учреждении», «непосредственной беседой экспертной комиссии с учителем». Беседы не должны были носить «характер проверочного испытания и должны были ставить задачей только выяснение общеобразовательного уровня» учителя, «ознакомление с его общепедагогическими взглядами и с основными элементами обществоведения (политграмотой)» [ККУ ГАКК, Ф. 163, О. 1, Д. 291, Л. 54].

Итак, впервые четко формулируются критерии оценки педагогической квалификации:

- общеобразовательный уровень;
- знакомство с идеями единой трудовой школы;
- политическая грамотность.

Учителя в результате собеседований и исследований должны были быть поделены на 3 группы: «не требующие переподготовки»; «проявляющие интерес к делу просвещения, но требующие переподготовки», «не проявляющие интереса к делу, не имеющие достаточного образовательного ценза». Таким образом, к третьей группе относились те учителя, которые не были мотивированы на педагогическую деятельность и не имели достаточного образования. В рекомендациях губОНО работникам УОНО предлагалось особое внимание уделять учителям, отнесенным ко второй категории. К ним предлагалось проявлять «особое внимание» и совместно с

профсоюзными организациями повышать уровень их квалификации [ККУ ГАКК, Ф. 163, О. 1, Д. 291, Л. 54].

В составе экспертной комиссии в Енисейском уезде, к примеру, работали заведующий УОНО, председатель правления Союза Рабпрос, заведующий школой, инструктор УОНО. По предложению заведующего УОНО в комиссии работали заведующие образовательными учреждениями. Комиссия руководствовалась Положением «О деятельности экспертных комиссий и о порядке замещения педагогических должностей в учреждениях соцвосо». Экспертная комиссия сделала вывод о том, что в Енисейском уезде 4 учителя должны быть освобождены от работы как «совершенно случайные в школе». К третьей категории было отнесено 5 учителей, ко второй – 14, а вот учителей 1 категории в уезде не нашлось [ККУ ГАКК, Ф. 93, О. 1, Д. 119, Л. 57]. В городе Енисейске 3 учителя были охарактеризованы как «не требующие переподготовки», 27 – как «проявившие интерес к делу народного образования, а 8 – как «застывшие на старых формах дореволюционной школы и не имеющие достаточного образовательного и педагогического ценза» [ККУ ГАКК, Ф. 93, О. 1, Д. 119, Л. 5]. Каждый учитель характеризовался членами комиссий. К примеру, учительнице была присвоена 2 категория при такой характеристике заведующего школой: «Учительница, имеющая основательную практику преподавания; выдержанный характер; новых методов не знает, общеобразовательное развитие для старших групп недостаточно. Может давать уроки не выше 3 группы». При определении категории было учтено мнение председателя профсоюза: «Одна из лучших учительниц старой школы, интересуется новыми методами и вообще новой постановкой, но, очевидно, отсутствие пособий и материалов заставляет держаться старых приемов» [МУЕГА КК, Ф. Р25, О. 1, Д. 24, Л. 4]. Другой учительнице заведующий школой дал такую характеристику: «Проявляет интерес к работе и новым методам, практический навык вполне достаточный». Председатель профсоюзной организации внес дополнение: «Отмечаю интерес П. к делу, к новым методам и приемам, пополнению своих знаний. Относительно общего развития: у П. не общее развитие слабое, а слаба школьная научная системная подготовка как у не получившей законченного школьного образования. Эта слабость компенсируется интересом и добросовестным отношением к делу, так что она может быть

допущена к преподаванию в 4 группе» [МУЕГА КК, Ф. Р25, О. 1, Д. 24, Л. 3].

Анализ материалов свидетельствует о проведении охранительной функции со стороны представителей профсоюза. Обсуждение кандидатур фокусировалось на способности учителей воплощать в жизнь идеи трудовой школы. Несмотря на довольно щадящий характер обсуждения деловых качеств учителей членами комиссии, результаты ее работы не устроили заведующего Енисейским УОНО С.А. Филиппова: «Работу экспертной комиссии нельзя назвать строго обоснованной ввиду того, что фактических данных, характеризующих работу каждого учащего в отдельности, было недостаточно, и часто комиссия имела в руках одни анкетные данные. Исходя из этих соображений, я допускаю возможность пересмотра того или иного учащего, представившего обоснованные данные в свою защиту» [ККУ ГАКК, Ф. 93, О. 1, Д. 153, Л. 5]. Таким образом, заведующий прагматически смотрел на итоги проведенной работы. В условиях острой нехватки учительских кадров его задачей было обеспечение бесперебойной работы уцелевших школ. При этом он был вынужден признать, что в целом педагогический персонал «в отношении квалификации, можно сказать, ниже среднего. Политическое развитие крайне слабое, и нужна гигантская работа по переподготовке и углублению ее путем самообразования. Необходим педтехникум» [ККУ ГАКК, Ф. 93, О. 1, Д. 153, Л. 5].

В Канске из 27 учителей города по двум учителям было принято решение, что они «не справляются с материалами» и потому нуждаются в замене, а по четырем сделан вывод, что они «не способны расстаться со старыми взглядами на методы преподавания», и также было принято решение о необходимости увольнения [ККУ ГАКК, Ф. 93, О. 1, Д. 153, Л. 2]. Заведующий Канским УОНО И.А. Вашкорин признавал ограниченность возможностей УОНО для повышения квалификации учителей: «Предпринять что-либо для переподготовки Канский УОНО не имеет возможности» [МУКГА КК, Ф. Р5, О. 1, Д. 58, Л. 85]. Заведующий Минусинским УОНО В.И. Орлов также признавал, что к работе в школах «в течение года пришлось допустить учителей с недостаточной подготовкой» из-за дефицита кадров. «70 % учителей требуется интенсивная переподготовка» [ККУ ГАКК, Ф. 93, О. 1, Д. 153, сЛ 28]. ГПУ подтверждало эти выводы: «В Минуезде отмечается слабая постановка школь-

ной работы вследствие плохой материальной обеспеченности учителей и недостаточной подготовки таковых к современной школьной работе» [ККУ ГАКК, Ф. 49, О. 2, Д. 130, Л. 34]. Реакция руководителей УОНО на результаты проверки свидетельствует об их озабоченности, в первую очередь, уровнем профессиональной компетенции учителей. Заведующий Красноярским УОНО А.Е. Назарьев четко сформулировал свое понимание степени квалификации учителей: «Знания учащихся свидетельствуют, как жестокий факт, о ценности того или иного работника» [ККУ ГАКК, Ф. 93, О. 1, Д. 153, Л. 10].

На шестом губернском съезде (1922 год) заведующих УОНО в докладе заведующего губОНО М.Е. Золотарева о работе комиссий говорилось: «Проверка политической и педагогической квалификации работников просвещения, проведенная в губернском центре и на местах, дала положительные результаты, а именно: в связи с работой проверочных выяснен педагогический и политический удельный вес работников просвещения; отстранен от педагогической работы крайне неподготовленный и безнадёжный элемент; выявлены кадры лучших педагогов, могущих быть опорой и активным ядром в деле претворения в жизнь принципов трудовой школы; повысился интерес к самообразованию, к индивидуальной и коллективной работе над пополнением знаний» [ККУ ГАКК, Ф. 93, О. 1, Д. 158, Л. 23].

Таким образом, была признана позитивная роль проверки, приведшая к стимулированию мотивации учителей к повышению квалификации. При этом было признано, что «при современных недостаточно сносных материальных условиях» органам образования приходится принимать на работу «лиц с крайне низкой квалификацией» [ККУ ГАКК, Ф. 93, О. 1, Д. 158, Л. 23]. Текучка кадров, вызванная недофинансированием школ, сводила на «нет» работу проверочных комиссий. Весной 1923 года в губОНО вынуждены были признать: «Точных сведений по губернии о квалификации педперсонала нет. Экспертной комиссией губОНО разосланы на места анкеты с целью учета квалификации школьных работников» [ККУ ГАКК, Ф. 93, О. 1, Д. 159, Л. 6].

Усвоение концепции единой трудовой школы, способность реализации ее принципов в жизнь были непременным условием для прохождения проверок учителями. Заместитель заведующего СибОНО А. Ансон писал: «Основная цель школы – дать новое поколение борцов за идеалы тру-

дящихся, строителей новой жизни. Новая школа не только не может закрывать глаза на жизнь, она вся должна быть ею пропитана, иначе ее судьба predetermined, – она превратится вновь в «учреждение», «учебное заведение», замкнувшееся в своих четырех стенах, никому не нужное, а подчас и вредное» [1, с. 50, 52]. Выполнить задачу связи школы с жизнью были призваны учителя, поэтому были сформулированы основные требования к учительской профессии: наряду с общеобразовательным уровнем – активное участие в общественной жизни, владение марксистской методологией, умение влиять на социум. Но, несмотря на выдвигаемые требования, радикально изменить сознание учителей, найти замену в условиях острой нехватки кадров было невозможно, и руководителям приходилось считаться со складывающимися обстоятельствами. И.А. Вашкорин отмечал: «Учебный персонал школ резко изменился. Появилось много случайного элемента, неподготовленного к учительству. Требуют переподготовки» [ККУ ГАКК, Ф. 93, О. 1, Д. 153, Л. 2].

Учителя, в свою очередь, выражали недовольство организацией работы проверкомов. На губернском учительском съезде в 1923 году они говорили: «Упроверком не может иметь основанием оценки учительства анализ одних анкет. Необходимо учителям дать политическую программу, по которой оно уяснило бы всю марксистскую подготовку» [МУКГА КК, Ф. Р5, О. 1, Д. 65, Л. 25]. Таким образом, видна мотивация учителей на самосовершенствование. Управленческие структуры использовали возможности учительских курсов для политической работы среди учителей.

Экспертные комиссии профсоюза проработали до осени 1923 года. Результаты своих исследований они доводили до руководителей органов образования, информировали о них на учительских съездах. Материалы работы комиссий стали основанием для разработки программ летних курсов повышения квалификации учителей в 1923 году. Осенью 1923 года экспертные комиссии профсоюзов распоряжением губОНО были упразднены, но этим же документом были созданы проверкомы ОНО [ККУ ГАКК, Ф. 93, О. 1, Д. 170, Л. 86].

Таким образом, происходит передача инициативы и ответственности аттестационных функций от профсоюза к административным органам. Проверочные комиссии были созданы по уездам,

и их возглавляли заведующие УОНО. Например, в состав проверкома Енисейского уезда входили заведующий УОНО, представитель уисполкома, представитель Упроса, уполномоченный ГСПС, эксперты-специалисты. Члены комитета рассматривали анкеты учителей, принятых «на службу» с нового учебного года, с тем, чтобы отнести их к заявленным категориям. Категорийность давала основание для исчисления размера оплаты труда. Главными критериями оценки готовности учителей к работе были их образование и стаж педагогической работы [ККУ ГАКК, Ф. 93, О. 1, Д. 170, Л. 86].

Наряду с внутренним профессиональным контролем деятельности школ и учителей в конце 1924 года была проведена проверка внешняя. Переход инициативы проверок к партийным органам, по всей вероятности, был неслучайным: в 1924 году материальное положение школ улучшается и принимается решение о государственном финансировании заработной платы с 1925 года. В октябре 1924 года партколлегия губкома ВКП (б) приступила к политической проверке педагогического и воспитательного персонала школ. Аналогичной работой были охвачены не только школы, но и все советские учреждения. Это была своего рода аттестация. Целью проверки было стремление «выявить политическое лицо учительства губернии, пригодности и способности преподавать в духе пролетарского государства» [ККУ ГАКК, Ф. 1, О. 1, Д. 622, Л. 25].

Всех проверяемых партколлегия разбивала на 4 группы:

1 группа – «оставить» (протокольная формулировка). «Под эту категорию подводятся учителя, вполне соответствующие нашим требованиям, предъявляемым к красному учительству, которые могут проводить идеи советской власти».

2 группа – «можно оставить» – сюда относятся учителя, которые являются лояльными к соввласти, но благодаря малому участию в политической жизни слабо понимают задачи соввласти и идеи коммунизма и не вполне могут проводить в жизнь, т.е. воспитать в этом духе.

3 группа – «искать замену» – сюда относятся учителя, нелояльные к советской власти, но они большая научная сила, трудно заменимая.

4 группа – «немедленно уволить» – лица, пребывание которых на просветительной работе абсолютно недопустимо как «чуждого для советской власти элемента».

**Итоги проверки педагогического и воспитательного персонала
школьных заведений и детдомов г. Красноярска***

Категория педагогического и воспитательного руководящего персонала	Проверка			К какой группе относятся проверяемые			
	Количество проверяемых	Количество проверенных	Осталось проверить	1	2	3	4
				Группа	Группа	Группа	Группа
Учителя I ступени	108	61	47	7	46	5	3
Учителя II ступени	75	69	6	4	55	3	7
Воспитатели и руководители	95	88	7	32	45	5	6
Итого:	278	218	60	43	146	13	16

* [КБУ ГАКК, Ф. 1, О. 1, Д. 622, Л. 26]

Анализ результатов проверки говорит, что «чуждого для советской власти элемента» в детских домах и школах было выявлено немного. Во время обсуждения итогов проверки в губкоме партии обращалось внимание на необходимость снабжения образовательных учреждений соответствующей литературой для учительства, а также на «переподготовку учительства, имея в виду, что в 1925-26 году нужно проводить школьные занятия полностью по программе ГУСа, а для этой цели необходимо создать зимние курсы, ибо с такой подготовкой учительства, как в политическом, так и в педагогическом направлении, по программе ГУСа работу проводить не представляется возможным» [ККУ ГАКК, Ф. 1, О. 1, Д. 784, Л. 21]. На заседании отмечалось, что, хотя учителям «некогда будет отдохнуть», так как в каникулы будет учеба, они «жаждут этих курсов и выявляют свое полное желание» [Там же, Л. 24]. Как видим, руководители губкома, в первую очередь, ориентировались не на «чистку», а на повышение профессионального уровня учителей с целью закрепления их в отрасли. Причина была проста: острая нехватка педкадров в условиях отсутствия высших учебных заведений. В губернии работали только два педтехникума, которые выпускали ограниченное число учителей.

Уровень требований к школам повышался. С 1924-25 учебного года в массовой школе происходит переход к работе по комплексным программам, требующим активных методов обучения при организации учебного процесса. Одновременно в 1924-25 учебном году серьезные требования начали предъявлять к результатам усвоения учащимися формальных навыков [МУК-ГА КК, Ф. Р5, О. 1, Д. 89, Л. 19].

Таким образом, комиссии по проверке учительского персонала в первой половине 20-х го-

дов выполняли, с одной стороны, мобилизующую и контролирующую функции, с другой – фискальную – в связи с выяснением политических взглядов работающих преподавателей. Результаты работы комиссий служили основанием не только для принятия мер административного характера, но и для определения содержания курсов переподготовки кадров, организации методической и самообразовательной работы среди учительства. Во второй половине 20-х годов экспертных проверок не организовывалось. Заработную плату учителя получали согласно заключенным коллективным договорам по тарифной сетке. Политическую работу с учительством партийные органы проводили через многочисленные курсы, конференции, совещания, съезды.

Библиографический список

1. Ансон, А. Школа и современность [Текст] / А. Ансон // Сибирский педагогический журнал. – 1923. – № 4 – С. 50–54.
2. Калашников, А. Классовая сущность воспитания [Электронный ресурс] // Спорные проблемы марксистской педагогики: сб. статей / под ред. А.З. Иоселиани. – М., 1930. – Режим доступа : <http://www.detskiysad.ru/ped/marksist53.html>
3. Лельчицкий, И. Д. Культурно-антропологическая концепция идеала учителя в отечественной педагогике 1920-х гг. [Текст] / И. Д. Лельчицкий // Образование и общество. – 2004. – № 3. – С. 95–104.
4. Полгода Советской власти в Енисейской губернии. Обзор деятельности советских учреждений с января по 1 августа 1920 года [Текст]. – Красноярск : Издательство Енисейского губернского революционного комитета, 1920. – 227 с.
5. Резолюция X съезда РКП [б] «О роли и задачах профсоюзов» [Текст] : Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК [1917–1922 гг.]. – Т. 2. – М., 1983. – С. 341–357.

Bibliograficheskiy spisok

1. Anson, A. Shkola i sovremennost' [Tekst] / A. Anson // Sibirskij pedagogicheskiy zhurnal. – 1923. – № 4 – S. 50–54.

2. Kalashnikov, A. Klassovaya sushchnost' vospitaniya [Elektronny'j resurs] // Sporny'ye problemy' marksistskoj pedagogiki: sb. statej / pod red. A.Z. Ioseliani. – M., 1930. – Rezhim dostupa : <http://www.detskiysad.ru/ped/marksist53.html>

3. Lel'chitskiy, I. D. Kul'turno-antropologicheskaya kontsepciya ideala uchitelya v otechestvennoj pedagogike 1920-kh gg. [Tekst] / I. D. Lel'chitskiy // Obrazovaniye i obshchestvo. – 2004. – № 3. – S. 95–104.

4. Polgoda Sovetskoj vlasti v Yenisejskoj gubernii. Obzor deyatel'nosti sovetskih uchrezhdenij s yanvarya po 1 avgusta 1920 goda [Tekst]. – Krasnoyarsk: Izdatel'stvo Yeniseyskogo gubernskogo revolyucionnogo komiteta, 1920. – 227 s.

5. Rezolyuciya KH s'yezda RKP [b] «O roli i zadachakh profsoyuzov» [Tekst]: Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyah s'yezдов, konferencij i plenumov TSK [1917–1922 gg.]. – T. – 2. – M., 1983. – S. 341–357.

Сокращения

ККУ ГАКК – Краевое казенное учреждение «Государственный архив Красноярского края»

МУАГА КК – Муниципальное учреждение «Ачинский городской архив Красноярского края»

МУЕГА КК – Муниципальное учреждение «Енисейский городской архив Красноярского края»

МУКГА КК – Муниципальное учреждение «Канский городской архив Красноярского края»

МУМГА КК – Муниципальное учреждение «Минусинский городской архив Красноярского края»